

УДК 291.211.8

Ю.В. Латушко

Табу

A taboo

В статье Ю.В. Латушко идет речь о табу, специфической системе религиозно-обрядовых установлений океанийцев. Автор обращает внимание на тот факт, что в ряде стратифицированных обществ Полинезии, таких как Гавайи, данная система была тесно связана с традиционной властью и служила делу легитимации сакральных лидеров. С началом контактов с европейцами система табу претерпела кардинальные изменения.

Ключевые слова: *власть, Гавайи, Полинезия, религия, табу.*

"Taboo" is a title of article by Yu. Latushko. Author discusses specific ritual institution system of peoples of Oceania. In most stratified Polynesian societies such as Hawaiian one, taboo system was closely connected with traditional authorities and it provided them legitimacy. From the beginning of contacts with Europeans it undergoes significant changes.

Key words: *the power, Hawaii, Polynesia, religion, a taboo.*

Слово "табу" пришло в европейские языки из полинезийских (англ. tabóo, рус. табу́, полинез. tábu, гавайск. káru) и буквально означает "запрет". Понятие табу широко распространено во всех субрегионах Океании (Меланезии, Полинезии, Микронезии). Религиозно-магические, морально-этические и мифологические стороны табу уже выступали в качестве предмета анализа в трудах таких классиков антропологической и этнографической науки как Дж. Фрезер, Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун, С.А. Токарев и др. В настоящей статье эти элементы табу будут затрагиваться нами лишь в той степени, в какой они сопряжены с развитием потестарно-политических отношений гавайского общества.

В генеалогических преданиях гавайских вождей сохранилось имя жреца с о. Таити – Паао. Около 1275 г. он предпринял вояж на Гавайи, где застал картину "падения нравов" местных вождей, которые не чурались вступать в браки с женщинами из низших слоёв общества, что, по мнению Паао, сильно подрывало репутацию элиты. Вернувшись, он призвал на Гавайи благородного вождя Лонокаехо [8, с. 69-70]. Последний отказался, но предложил другую кандидатуру из достойного древнего рода Улу. Потомки этого вождя долгое время правили на Гавайях, как и потомки жреца Паао, который стал первым хранителем важного культа гавайских вождей – культа бога Ку. Кроме того, Паао стоял у истоков консервативной гавайской религии. Традиция приписывает ему введение таких краеугольных составляющих идеологической системы как человеческие жертвоприношения, коронация вождей поясом

из красных птичьих перьев (такой же обычай бытовал и на о. Раиатеа, одном из островов группы Общества) и новый тип святилищ – *хеиау*. Как видно из легенды, Паао восстановил строгость поруганных табу, но что в действительности могла означать подобная реформа? Для ответа на данный вопрос нам нужно ответить на другой – что есть табу, точнее, какую функцию могла выполнять система ритуальных запретов в контексте традиционной политической культуры древних гавайцев.

Считается, что с последней четверти XIII в. миграции на Гавайи прекратились, и острова в течение пятисот лет развивались как закрытая культурная система. Её стержнем выступали традиционные верования, которые объясняли и санкционировали миропорядок. В дошедшем до нас мифе творения *Кумулипо* рассказывается о развитии мира от тьмы к свету, от низших форм к высшим [25]. Структура общества понималась как единое тело, где верховный вождь был головой, прочие вожди – плечами и грудной клеткой, *кахуна нуи* (верховный жрец) был правой рукой, а *калаимоку* (советник верховного вождя) левой. Воины считались правой ногой, а рыбаки и крестьяне – левой.

Согласно традиции, положение человека в обществе зависело от количества мистической силы (*мана*), которой тот обладал. С этими представлениями тесно связана и система табу. Дабы уменьшить деструктивное воздействие лиц, предметов или мест преисполненных маной они табуировались. Социальный порядок представлялся проекцией космического на земную реальность, поэтому вожди считались богами на земле. Отсюда, все браки элиты были эндогамными, причём, немаловажную роль играла степень близости эго к легендарному полубогу-первопредку.

Общество делилось на две основные страты – вождей *алии* и общинников *макаинана*. Особое положение занимала категория "неприкасаемых" *каува*, которая, согласно представлениям гавайцев, не входила в структуру общества. Среди вождей социальный статус человека определялся в первую очередь генеалогическим старшинством, а не половозрастным. Другими словами, ребёнок из линии вождей более высокого ранга был "старше" старца из генеалогически менее знатной линии.

Особенностью иерархической системы Гавайев было постепенное замыкание двух основных страт в замкнутые группы. Речь идёт о процессе образования так называемой "квазикастовой" организации общества, значительно уменьшавшей вертикальную мобильность. На практике это выливалось в то, что по мере усложнения социальной организации, вожди всё более обособлялись от общинников, что наглядно выражалось в таких маркерах их статуса, как одежда, право на длинные генеалогии, пищевые привилегии и т.д.

Все полинезийские общества отличались особым ранговым порядком. И.Ж. Кожановская считает его интегральной составляющей социальной организации полинезийцев. Она также акцентирует внимание на различии "индивидуального" и "сегментного" ранжирования [4, с. 15-16]. Если первое обнаруживалось у всех полинезийцев, то последний вид ранжирования был характерен для максимально стратифицированных полинезийских обществ (Гавайи, Таити, Тонга). Главной задачей здесь было не выявление общественного статуса человека, который тот приобретал в рамках билатеральных родственных связей, а выстраивание иерархии между клановыми образованиями. Как видно, сегментное ранжирование затрагивало в первую очередь управленческую организацию стратифицированных обществ, а потому для каждого гавайского вождя его личный ранг был опосредован рангом его семейства. Разумеется, ранг семейства был важен и для общинников, но сегментное ранжирова-

ние для элиты являлось системообразующей характеристикой, тогда как для простолюдинов той, которой можно было пренебречь (генеалогии макаиинана редко превышали три поколения). Данное обстоятельство коррелирует с дивергенцией системы табу на "капу богов" и "капу вождей". Не трудно заметить, что в контексте традиционной политической культуры особая система личных табу вождей отражала, как минимум, их особое положение в социуме и служила целям нормативной регуляции структурированного неравенства в нем.

Двухчастное деление общества было привнесено на Гавайи, вероятно, уже первыми колонистами. Слово "алии" (ali'i) – вождь – является гавайской разновидностью протополинезийского термина *'ariki. Любопытно, что в гавайском языке есть, условно говоря, отчуждаемые и неотчуждаемые существительные. К последним относятся части тела человека, такие как глаз, рука, нога и т.п., а также слово "вождь", что семантически указывает на особое отношение гавайцев к институту вождей [23]. Здесь такая же логика, какова в связи "ребенок-родитель", "создание-создатель".

Лица, принадлежавшие к высшей страте, обосновывали своё привилегированное положение тем, что они являлись потомками богов, следовательно, для общинников они были священными персонами, хотя последние теоретически также являлись наследниками богов, но через младшие (боковые) ветви. Исключительной привилегией алии являлись генеалогии, которые доказывали их происхождение. По сути, песнь творения Кумулипо представляет собой записанную последней гавайской королевой Лилиуокалани генеалогию–эпос. Основа гимна сложилась около 1700 г. Девять из шестнадцати содержащихся в нём ва (глав или песен) посвящены периоду Ао (эпохе света), в них перечисляются кроме прочего две тысячи пар родовой знати (предков верховных вождей округа Хило, о. Гавайи, откуда происходила и династия Камеамеа и её боковая ветвь Калакауа) [8, с. 58].

Различия в страте вождей проводились по степеням сакральности и выражались в терминах ранга и табу. Личное табу вождя было прерогативой его рождения и выражением социального ранга (чем ближе к богам, тем выше ранг и строже табу). Ранг алии, тип брака и связанные с ними табу выступали в теснейшей взаимосвязи [21, р. 409]. Ребёнок, рождённый от брака брата и сестры самых высоких рангов, получал ранг *ни'о*. Он мог отправлять самую высокую должность верховного вождя целого острова *алии-аи-нуи* или его большого округа *алии-аи-моку*. С этим рангом было связано *капу моэ* – "повергающее ниц табу". В присутствии такого человека-бога или его вещей все должные были падать на колени. Табу соблюдалось под страхом смертной казни. Чуть ниже стоял вождь ранга *ниаупи'о*, рождённый от брака отца и дочери, племянника и тётки или племянницы и дяди того же или следующего по важности ранга¹. Посты правителей районов *алии-аи-ахупуаа* занимали, как правило, вожди рангов *наха* или *вохи*. Они же отправляли почётные "придворные" должности, являлись управляющими *конохики* верховного вождя или хранителями сакрального знания (генеалогий, мифов и т.п.).

Вождь ранга *наха* был отпрыском сводных брата и сестры, но от одного из родителей первых двух рангов. Ранг *вохи* получал ребёнок от брака знатной женщины, обладавшей одним из первых трёх рангов, со своим двоюродным братом. С этими рангами было связано *капу-о-нохо* –

¹ Обращаем внимание на тот факт, что в гавайской (генерационной) системе терминов родства дифференцируются лишь родственники по поколениям (например, в поколении отца (матери) по отношению к Эго все родственники(цы) будут именоваться термином "отец" ("мать")). Говоря о "тетях", "племянницах" и т.п. мы используем термины понятной нам эскимосской (линейной) системы терминов родства.

"сидячее табу". Согласно гавайскому этикету, менее знатный человек в присутствии более знатного должен был сидеть, но для вождей наха и вохи делалось своего рода исключение – они могли стоять в присутствии обладателей высших рангов.

Система рангов и связанных с ними личных табу вождей не гарантировала занятия соответствующего поста. На практике в ходе междоусобной борьбы к власти могли приходиться узурпаторы. Кстати, самые известные из гавайских вождей – Уми и Камеамеа – обладали не самыми высокими рангами. Камеамеа, например, имел ранг вохи, что не давало ему формального права отправлять "должность" верховного вождя. Это ещё один аргумент в пользу того, что даже в таких стратифицированных политиях как гавайские вожества, от личных заслуг вождя зависело многое, а порою всё. Данный факт указывает и на специфику организации власти в сложных вожествах, не имевших институциональных форм правления и бюрократии в строгом понимании этого слова.

Ещё одной категорией гавайской знати было "официальное" жречество *кахуна пуле*, помимо которого на Гавайях существовал также обширный "штат" колдунов низшего ранга (целители, прорицатели и прочие) [3]. Часто они происходили из простолюдинов, которые по тем или иным причинам обнаруживали в себе способности к данному роду занятий. К контактному времени существовали две жреческие корпорации ("ордена") – *Холоа'е* и *Каули'и* (Д. Мало приводит другие названия – *Каналу* и *Палику*) [22, р. 80].

Орден Каналу был посвящён божеству войны Ку, а его жрецы считались потомками легендарного Паао. Этот орден отправлял ритуал "сбора и покрытия соломой" – *капу'охи'ако* – отдельных хижин на территории святилища. Данный ритуал считался главным при постройке и освящении большого храма – хеиау луакини – символа власти верховного вождя. Орден Палику был посвящён богу плодородия Лоно и отправлял культ *Лоноикаоуалии*. Кроме наследственных жрецов к этому ордену принадлежали и другие алии. Помимо ритуальных функций официальное жречество реализовывало и хозяйственные, как и все прочие вожди.

Традиционная религия отводила простым общинникам роль младших родственников вождей. На Гавайях бытовала поговорка: "вождь является вождём благодаря своим сторонникам" [16, р. 201]. Слово "мака-аина-на" можно перевести с гавайского как "люди-на-земле". Общинники являлись основной производительной силой – земледельцами, рыбаками, ремесленниками. Между вождями и общинниками существовала цепь взаимных обязательств. Последние были обязаны поставлять продукты и отправлять службы в форме оброка и барщины. Взамен этого первые подтверждали их права на владение землёй, которую возделывали и на которой проживали общинники. В обязанности алии входило обеспечивать сверхъестественное покровительство для макаианана против природных катаклизмов и ходатайствовать перед богами, чтобы те посылали обильные урожаи. Поземельная и личная зависимость общинников от элиты была основана на традиции. В её рамках они имели право ухода на земли другого вождя, если их собственный лидер не обеспечивал им протекцию со стороны высших сил. На практике это означало, что цепь неурожаяев стояла вождю его власти. Он оставался без своих сторонников.

По описаниям члена экспедиции М.Н. Васильева, Р.П. Бойля, согласно данным местных информантов, в старину макаианана должны были работать на вождей один день в неделю, плюс к этому каждое домохозяйство дарило вождю ежегодно пять циновок, кусок тапы (материи из отбитого луба), свинью и собаку. Однако, по словам М.Н. Васильева,

в древности "фиксированных поборов и повинностей не существовало" (РГАВМФ. Ф. 213. Оп.1. Д. 104. Л. 35). По приходу к власти верховный вождь "наделял" нижестоящих вождей землями. Но на практике он лишь подтверждал веками существовавшие поземельные отношения. Общинников же подобные "дарения" вообще не затрагивали.

Среди макаинана постепенно выделялись мастера ремёсел. Наиболее значимые из которых (строители лодок, храмов и др.) могли повысить свой статус за счёт того, что обслуживали верховных вождей. Иными словами, слой общинников также не был однороден, как и страта вождей.

Самым спорным и загадочным для современной науки слоем гавайского общества были каува. В определениях советской историографии их можно было бы назвать патриархальными рабами, но термин этот условен. Каува не состояли в родстве ни с общинниками, ни с вождями и были как бы вне системы социальных классов (своего рода "неприкасаемыми"). Они являлись изгоями и противоположностью алии. Вместе с тем, М. Пукуи и С. Элберт называют их термином *аумакуа* (что переводится с гавайского как "семейное божество") [23, p. 29]. Символически они относились к категории полубогов. Во всяком случае, каува убивали путём утопления – или в пресном источнике или в океане – и приносили в жертву в ходе ритуала луакини. Этот ритуал символизировал установление власти вождя. Таким образом, каува были людьми, чьё назначение состояло в том, чтобы стать сакральной жертвой. Табу в отношении каува и вождей были различными по вектору, но имели общую модальность, органично вписывающуюся в систему табу. Хотя точнее было бы определить её как систему мана-табу, так как оба эти понятия были комплиментарны по отношению друг к другу.

Табу – запрет, и по определению это понятие должно носить негативную окраску, но это не так. В своё время на эту деталь указывал А. Рэдклифф-Браун. По его мнению, во многих неевропейских обществах нельзя провести чёткого разграничения по линиям "священное – нечистое", либо "религиозное – магическое". Во избежание негативной или позитивной коннотаций он предложил категорию "ритуальной значимости", подразумевая под этим термином отношение, возникающее между объектом и субъектом, отражающееся в поведении последнего и выражающееся через таковое. В этой связи объект ненависти, например, также важен, как и объект обожания [6, с. 157-179].

Проиллюстрировать это можно примером того, как гавайцы понимали "святость" и "нечистоту". Простолюдин, совершивший инцест со своей сестрой, становился для всех капу. Его присутствие считалось крайне негативным для всего общества, и так как он не мог быть "очищен", его лишали жизни. И наоборот, вождю высокого ранга предписывалось вступать в отношения со своими единоутробными сёстрами, в силу чего их ребёнок становился в высшей степени священным и неприкосновенным человеком. Нечистота простолюдина и святость подобного вождя имели один источник, оба они являлись капу с различными санкциями – первого должно было убить, второго избегать, чтобы не быть убитым [6, с. 163]. Аналогичный порядок касался как людей, так и вещей. По мысли А. Рэдклиффа-Брауна ритуальные значимости всегда связаны со значимостями социальными – в широком смысле они составляют сферу морального, эстетического или экономического (а от себя заметим, и политического) поведения людей, при котором одни и те же ритуальные процедуры зачастую имеют различные смыслы. При этом "позитивные и негативные обряды дикарей существовали и существуют потому, что они часть механизма, служащего, как и эти обряды, для утверждения неких фундаментальных социальных ценностей" [6, с. 177].

Табу не были одинаковыми для всех слоёв общества, как не были одинаковы сами социальные страты. Общее табу богов дополнялось частным случаем табу вождей. Согласно легендам, такая идеологическая система оформилась на рубеже XIII-XIV вв., что совпадает по времени с завершением второй большой волны миграций и началом формирования на Гавайях сложных вожеств¹.

Представления о табу соответствовали общему ключу космогонических идей гавайцев [11]. Табу богов было системой классификации, пронизывающей иерархический строй общества в целом, тогда как табу вождей было прерогативой рождения, что обособляло их от остального общества.

Принцип, на котором была основана система табу, состоял в бинарной оппозиции явлений духовной жизни. Она отражена в Кумулипо, где начала мира происходят от докреативного генезиса двух комплементарных элементов: тьмы *По* и света *Ао*. Они породили морскую и земную жизнь, жизнь в поднебесье и пресмыкающихся. Каждый из этих классов существ управлялся родительской парой, а эволюционная схема прогрессировала от тьмы к свету. В период света или дня возникли боги и человечество. Таким образом, схема включала в себя оппозиции от первой до шестой пары, с чётким противопоставлением земной и морской стихий – каждая форма морской жизни имела своё соответствие в особых формах жизни на земле. В этой схеме в основе позитивного (сакрального) аспекта природы лежало мужское начало (небо, свет, жизнь, день, знание и сила). В негативном (профанном) аспекте – женское начало (земля, тьма, смерть, ночь, болезнь и старость). Здесь система табу обобщала те вещи, которые носили сакральный характер и происходили от позитивного мужского начала, и те вещи, которые были не сакральными и происходили от женского аспекта природы.

Гавайцы поклонялись четырем главным (старшим) богам – *Ку*, *Лоно*, *Кане* и *Каналоа*. Данные боги поставлены в ту последовательность, в какой они почитались элитой гавайского общества. Культ Каналоа (Тангароа, Тагалoa, Таароа) известен во всей Полинезии, тогда как первые три отправлялись только в восточной Полинезии. Оппозиции богов были таковы: Каналоа (божество тьмы) – Кане (божество света, грома и молний), Ку (божество войны) – Лоно (божество мира, земледелия, плодородия). В полинезийской мифологии бог Каналоа – бог-творец, бог морской стихии, но на Гавайях он выступал в другой ипостаси, а именно, как хтоническое божество [5, с. 318]. Следует сразу отметить, что, как и во многих других архаичных религиозных системах, эманации и функции гавайских божеств переплетались. Так, бог Ку, с одной стороны, был богом войны, а с другой стороны почитался как великий архитектор и строитель (читай созидатель). Само слово "ку" переводится с гавайского языка приблизительно как "твёрдо стоять на ногах; править; владеть землёй" [10, с. 59].

Религия островитян включала также поклонение различным добрым и злым духам *аумакуа*. Разозлить духа было не сложно – любая ошибка в отправлении ритуала вела к этому. Вот почему на Гавайях существовало огромное множество знахарей и колдунов. К ним шли за

¹ Вождество (chiefdom) – форма политической структуры средней степени сложности, занимающая промежуточное положение между простой общиной и государством, в которой уже есть централизованное управление и наследственная иерархия правителей и знати, существует социальное и имущественное неравенство, но ещё нет формального аппарата принуждения и насилия. По степени сложности, количеству уровней принятия решения и численности населения выделяют простые, сложные и суперсложные вожества. В случае с Гавайями раннего контактного времени можно говорить о наличии четырех сложных вожеств островов Кауаи, Мауи, Оаху и Гавайи с численностью населения от 30 до 100 тысяч человек.

помощью, когда болели, любили, страдали, желали кому-то добра или, наоборот, смерти. Следует отметить, что на уровне простых общинников духи предков, божества низшего уровня (духи каких-либо местностей) играли куда большую роль, чем верховные божества. Такой водораздел отражал шедший в обществе процесс поляризации социальных страт, его разделения на элитарный и неэлитарный слои.

Каждому божеству полагался свой набор жертвоприношений. Сви-нья была сакральным подношением богам и являлась пищей мужчин на пиру, а также символом Лоно в его проявлении как *Камапуа'а*. Кокос называли "телом" Ку. Рыба *улуа* (молодая щука) выступала в роли эквивалента человеческого жертвоприношения Ку. *Нуухи* (белая акула) была проявлением бога Кане как *Канехунамоку*, а заодно и символом верховного вождя и т.д. [16, p. 177].

Система табу также разграничивала два церемониальных цикла: один в течение лета *кау*, другой – зимы *хооило*. К этому времени налагался запрет на любые военные действия, а храмовые ритуалы, которые проходили во время *кау*, прекращались [22, p. 188]. Разрешались только те ритуалы, которые проводились в ходе *макахики*, новогоднего праздника и времени подношения первых плодов богу Лоно, равно как и верховному вождю ввиду осуществления им медиативной функции.

Табу в семье выражались в ранговых отличиях между родственниками и зависели от пола и возраста того или иного человека. Эти запреты известны как *или капу* ("кожаное табу") [16, p. 48]. Например, женщинам запрещалось носить любую одежду, которую ранее надевал мужчина. Различия между поколениями выражались в табу, согласно которым родственники одного пола, но разных поколений не могли одеваться в одинаковые одежды. Матерям и дочерям запрещалось носить материал одинаковой выделки. Только сиблинги одного поколения могли носить сходную одежду [16, p. 181].

За нарушение любого из этих табу и другие преступления общинники наказывались у "камня Кане" (*похаку-о-Кане*), который принадлежал тому или иному семейству общинников. Термин *похаку* имеет кроме указанного значения (камень) ещё одно – "бог-хозяин" [10, с. 60]. Перед этим камнем (простой конической формы) располагался алтарь, а вокруг него – насаждения дерева *ти* (*Cordyline terminalis*). Семья приходила к нему рано утром, приносила с собой подношения богам. После этого виновник каялся семье за свой проступок. Затем наступал черед ритуальной трапезы [19, p. 32]. Однако в случае преступлений против вождей табу были строже, а наказание зачастую более суровым. Например, если открывалось, что общинник надевал набедренную повязку *мало* вождя, то его приносили в жертву богу-покровителю последнего. Если то же самое проделывал алии низшего ранга в отношении более знатного, то существовала вероятность, что и он будет принесён в жертву [17, p. 23], но чаще нарушитель был просто порицаем.

Дифференциация системы табу, вероятно, была связана с процессом формирования идеологии сложного стратифицированного общества, которая вплоть до прихода европейцев и даже несколько позднее служила важным стабилизирующим политическим фактором, в значительной мере предотвращавшим распад гавайских сложных вожеств. В период правления Камеамеа I (конец XVIII в. – 1819 г.), с объединением в единое королевство четырех независимых гавайских вожеств, данная система была положена в основу формирующегося гавайского государства. Но как элемент функционально связанный с прежней социально-политической системой в новых условиях она оказалась малоэффективной.

Камеамеа оказался последним гавайским правителем, которого

хоронили согласно старому канону. По истечению положенного в таких случаях десятидневного траура, его кости были перенесены в башню *ануу* на территории храма и помещены в специальный плетёный мешок для дальнейшего хранения. Весь период траура его сын и наследник Лиолио готовился принять на себя груз ответственности, совершая очистительные обряды, а 21 мая 1819 г. был объявлен верховным правителем Гавайев. Казалось, ничто не предвещало столь скорых, сколь и кардинальных перемен в жизни страны. Вступление Лиолио в должность также прошло согласно канонам древней гавайской религии. В этот день состоялся совет наиболее влиятельных вождей. Главным вопросом, как и в прежние времена, стал вопрос раздела земель. Однако мнения участников совета разошлись. Одни полагали, что земли, как и в прежние времена, стоит поделить заново. Другие воспротивились этому, полагая, что земля была получена ими от Камеамеа в вечное владение [19, p. 219]. Такой раскол отражал объективное положение дел в среде элиты. "Некоторые алии, некогда покорённые его (Лиолио – Ю.Л.) отцом, готовили мятеж, желая восстановления старых порядков" [9, с. 85]. К указанному времени экономические отношения на Гавайях уже сильно трансформировались под воздействием контактов с иностранцами (*хаоле*). Мы разделяем точку зрения М. Салинза о том, что в основе традиционной политэкономии лежит замкнутый цикл производства потребительских стоимостей [7]. В условиях изоляции архипелага запросы элиты, помимо средств существования, ограничивались небольшим кругом престижных вещей. Но постепенно, по мере развития торговых отношений с *хаоле*, гавайская экономика утрачивала свой натуральный характер. Если раньше земля имела ценность, поскольку на ней жили потенциальные сторонники вождя, то с началом сандаловой лихорадки сама земля стала представлять непосредственную экономическую ценность. Иными словами, в первом случае "право на вещи" реализовывалось через "власть над людьми", во втором – "власть над людьми" реализовывалась "через право на вещи" [7, с. 76]. Это обстоятельство важно иметь в виду при анализе гавайской культурной революции. Однако изменения в экономике, взятые сами по себе, ещё не могут дать исчерпывающего объяснения природы данного феномена.

Строгость табу не была одинаковой, но какими бы ни были запреты (более или менее мягкими) на протяжении гавайской истории никто никогда не ставил под сомнение саму необходимость их существования. Поэтому их отмена стала во всех смыслах революционным шагом. В результате вооруженной борьбы Лиолио и его сторонники одержали верх над приверженцами старой веры. У. Дэвенпорт писал по этому поводу: "Если эти сражения рассматривать как испытание силы богов перед силой огнестрельного оружия, то у гавайцев не осталось сомнений, кто сильнее..." [14, p. 16]. Тем не менее, ещё очень долго во внутренних районах архипелага рядовые общинники продолжали тайно отправлять культы своих предков [20, p.69]. Немногим позднее, с принятием христианства, старая вера оказалась синкретично вплетённой в канву нового вероучения. Впоследствии на Гавайях то и дело возникали секты, объединявшие в себе христианские и местные культы, о чём имеется немало сведений в источниках и литературе [13; 15; 18; 24]¹. Более того,

¹ Отправлялись культы наподобие "милленаристских" культов Меланезии. Интересные факты на тему гавайских сект содержатся в воспоминаниях Х. Бингхема, Дж. Джарвеса и др. Дж. Джарвес сообщал о секте Хапу на о. Гавайи середины 30-х годов XIX в. Её члены поклонялись трём божествам – Иегове, Иисусу Христу и Хапу, местной пророчице, которую помимо прочего считали сестрой Девы Марии. Кости умершей пророчицы были извлечены сектантами из могилы и в качестве священной реликвии выступали в роли объекта поклонения. Ещё один пример: в 1824 г. в селении Лахаина объявилась жрица богини Пеле, которая сообщала всем, что Кекуаокalani (противник

местное христианство, по сути, являлось лишь формой, которая наполнялась всё тем же традиционным духовным содержанием. Первые установления христианских миссионеров облекались в формы табу (табу на работу в воскресенье *ла капу* и др.) [9, с. 92].

Тезис о кардинальном изменении сознания гавайцев на поверку может оказаться сконструированным историографическим мифом. Мы полагаем, что глубина трансформации "ритуальных значимостей" в системе верований гавайцев была сильно преувеличена. Об этом прямо свидетельствуют формы последующей христианизации островов. В случае с Гавайями начала XIX в. имеются два уровня бытования местных верований. На верхнем элитарном – политеизм и поклонение четырём "старшим" богам, на нижнем народном – шаманизм, анимизм и магические практики с поклонением "младшим" богам и духам – покровителям местностей, ремёсел и т.д. В ходе событий 1819 г. деконструкции подвергся именно верхний этаж. А, значит, у нас есть все основания рассматривать гавайскую культурную революцию, как акт политический.

Но что тогда обеспечило столь быстрое шествие культурной революции по стране? Возможно, объяснение этого кроется в ментальности гавайцев. И позднее, с приходом миссионеров, "на Гавайских островах христианская троица долгое время выступала в образе трёх местных богов – Ку (бог-отец), Кане (бог-сын), Лоно (бог-дух святой). Четвёртый бог Каналоа в троицу не вошёл, ему отвели место дьявола" [2, с. 92]. Другими словами, мы видим, что "хотя вера в силу богов была разрушена, вера в их существование никогда не оспаривалась" [21, р. 426]. Гавайцы продолжали верить в сверхъестественную помощь низших богов, таких как *Пеле* и *Канохоалии*, или духов предков. Даже в начале XX в. на Гавайях существовала вера в то, что *кахунаанаана куни*, "жрец-колдун", может своей молитвой наслать смерть. С. Левин приводит воспоминания своего отца, относящиеся к началу XX в.: "Мой отец, когда был молодым, ходил на рыбалку с гавайцем, который рассказал ему, что не боится акул, потому что они были его аумакуа (семейными духами или личными божествами, следовательно, его защитниками)" [21, р. 426; 12].

М. Вебб считал, что культурная революция стала следствием вызванного европейцами перехода от племенного уровня организации гавайского общества к государственному. Причём, данный процесс был свойственен всем стратифицированным обществам Полинезии начала XIX в. Этот переход в значительной мере опирался на местные условия – такие как размер и богатство общества или степень прямого европейского вмешательства [26, р. 27]. До этого ни на Гавайях, ни на островах Общества, ни на Тонга не существовало таких черт развитого государственного общества, как централизованный контроль над всей островной группой. Верховные правители полинезийских вожеств были не способны контролировать внешние связи подчинённых вождей, что подтверждается формированием военных альянсов и свободной торговлей последних с иностранцами. Они были не в состоянии накапливать и тратить богатство, кроме случаев, установленных традицией, не имели монопольного контроля над силой, необходимой для наказания непокорных, если те обладали прочной поддержкой на местах. По мнению того же Вебба, события начала XIX в. были обусловлены притоком европейских товаров [26, р. 28]. Они делали возможным набирать и содержать слуг, не связанных напрямую с вождями на местах. Поскольку новые товары включали в себя огнестрельное и металлическое оружие, эти слуги также могли быть лучше вооружены, чем их соперники. Таким образом,

---

отмены древних табу) сообщил ей из мира духов, что миссионеров надо изгнать, так как богиня вулканов гневается и может наслать извержение. Известны и другие секты, как "неоязыческие", так и "христианские".

верховные правители при помощи торговли могли успешно расширять границы своей власти и подчинять своей воле непокорных. "Хорошо вооружённая группа, опирающаяся на независимый источник богатства, а не на племенные дары, является ядром правительства, которое теперь может безопасно принуждать к отдаче богатства, необходимого для его поддержки. *Это сбор налогов* (курсив мой – Ю.Л.)" [26, р. 28].

По замечанию П.Л. Белкова, социальная стратификация переходной формации основана на неравенстве доступа к "стратегическим ресурсам" именно в энергетическом смысле. О монополизации земли в руках аристократической верхушки применительно к Полинезии можно говорить лишь постольку, поскольку полинезийскими вождями был монополизирован комплекс мана-табу. Только это объясняет двусмысленность ситуации, при которой верховный вождь, с одной стороны, считается верховным собственником земли и одаривает ею своих сторонников, а с другой, – таким же держателем надела как и все прочие общинники. Когда тот же вождь в одном случае действует как глава клана, вокруг которого группируются менее значительные родственники, а с другой – общинники считаются родственниками вождя лишь по факту своего подданства [1, с. 185]. В ходе процесса вестернизации, набравшего особенно стремительные темпы после культурной революции 1819 г., гавайское общество существенно трансформировалось во всех сферах социальной жизни. Однако важно отметить, что формирование новой политической культуры не предполагало полного и одновременного отказа от системы мана-табу, а скорее обуславливало её постепенное вытеснение из области религиозно-идеологического принципа в сферу этического регулятора властных отношений.

Литература

1. Ванкувер Г. Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света, совершённое в 1790, 1791, 1792, 1793, 1794 и 1795 годах капитаном Георгием Ванкувером. Ч.2. СПб: Морская типография, 1828. 453 с.
2. Головнин В.М. Путешествие на шлюпе Камчатка. М.: Мысль, 1965. 360 с.
3. Латушко Ю.В. "Русские" Гавайи // Россия и АТР. 2002. №3. С. 131-136.
4. Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах по повелению его императорского величества Александра I на корабле Нева под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I ранга и кавалера Юрия Лисянского. Ч. 1. СПб: Типография Ф. Дрехслера, 1812. 460 с.
5. Стингл М. Очарованные Гавайи. М.: Наука, 1983. 332 с.
6. Тумаркин Д.Д. Вторжение колонизаторов в край вечной весны. Гавайский народ в борьбе против чужеземных захватчиков в к. XVIII – н. XIX вв. М.: Наука, 1964. 191 с.
7. Тумаркин Д.Д. Гавайский народ и американские колонизаторы 1820-1865 гг. М.: Наука, 1971. 443 с.
8. Этнические гавайцы требуют особых прав [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian-hawaii.ru/?div=6&i=369> [Дата обращения: 12.11.2008].
9. Barrere D. V. Cosmogonic Genealogies of Hawaii // Journal of the Polynesian society. 1961. Vol. 70. №4. P. 419-428.
10. Buck P.H. (Te Rangi Hiroa) Arts and crafts of Hawaii. Honolulu, 1957. 606 p.

11. Cook J. The Journals of Captain James Cook on his Voyages of Discovery: III. The Voyage of the Resolution and Discovery 1776-1780. Cambridge, 1967. 442 p.
12. Earle T.K. How chiefs come to power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997. 220 p.
13. Ii J.P. Fragments of Hawaiian history. Honolulu, 1959. 200 p.
14. Kamakau S.M. Ruling Chiefs of Hawaii. Honolulu, 1961. 440 p.
15. Kirch P.V. The Evolution of the Polynesian Chiefdoms. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 384 p.
16. Kuykendall R.S. A History of Hawaii. N.Y.: The Macmillan Company, 1927. 357 p.
17. Malo D. Hawaiian antiquities (Moolelo Hawaii). Honolulu, 1951. 250 p.
18. Pukui M.K. and Elbert S.H. Hawaiian-English Dictionary. Honolulu: University of Hawaii Press, 1961. 361 p.